

Елена Евтушевская: «Сады души – мир моего творчества»

Елена Евтушевская – композитор, член Союза Композиторов России, член Русского Арфового общества, Лауреат Международного и Всероссийского композиторских конкурсов, автор симфонической и хоровой музыки, большого числа камерных произведений. Тяготение композитора к камерной музыке определяет филигранную отточенность каждой мысли, обширную градацию выражаемых эмоций – от неуловимо ощущаемой приподнятости настроения, грациозной воздушной радости до щемящей боли, пронзающей самое сердце.

– Елена, чем Вас привлекает камерность?

– Камерность притягивает меня особой исповедальностью, интимностью, сокровенностью. Уже в студенческие годы я решила не ограничиваться средствами голоса и фортепиано в камерной вокальной музыке, ощутила потребность поиска новых тембровых звучностей, сочетания различных инструментов для более тонкого осознания и передачи поэтического образа. Такие сочинения уже нельзя отнести к жанру романса, скорее, – это «стихотворения» для голоса и небольшого инструментального ансамбля. Среди произведений такого рода: «Два стихотворения Я. Полонского» для сопрано, флейты, альты, виолончели и фортепиано; вокальный цикл «Мирок» для детского голоса, сопрано, альты, виолончели и фортепиано на стихи М. Цветаевой. Недавно в рамках Международного фестиваля современной музыки «Московская осень – 2014» состоялась премьера сочинения «Маяк» для баса, арфы и органа, тоже на стихи Полонского. Идея такого необычного исполнительского состава возникла под впечатлением удивительного колорита стихотворения.

В сочетании тембров баса, арфы и органа предполагалось найти новые звуковые решения и передать особую атмосферу ночного пейзажа, отвечающего тревожному состоянию одинокой человеческой души.

– Расскажите о Ваших учителях.

– У меня были прекрасные учителя, замечательные мастера, многое открывшие мне. Мне очень повезло, и я благодарна судьбе. Мой первый педагог по композиции в колледже при Московской консерватории, Константин Константинович Баташов, приучал нас быть очень требовательными и строгими к себе, прививал вкус, чувство меры. Большое влияние на меня оказал Николай Корндорф, который на уроках инструментоведения часто показывал свои сочинения, знакомил нас с приемами современной композиторской техники. В Московской консерватории я училась по композиции у Алексея Александровича Николаева, замечательного педагога и человека. Уроки фортепиано у Натальи Донатовны Юрыгиной вспоминаю с огромной признательностью. По инструментовке я занималась у Юрия Александровича Фортунатова, по полифонии и гармонии – у Юрия Николаевича Холопова.

– Как Вы относитесь к музыкальному цитированию? Цитаты были положены в Вашу дипломную работу – Концерт для фортепиано с оркестром. Отразились ли они в драматургическом замысле?

– К использованию цитат я отношусь с большой осторожностью. В Концерте для фортепиано с оркестром я процитировала материал одного из собственных романсов, написанного мною на третьем курсе консерватории на стихи

Рабиндраната Тагора. Стихотворение, положенное в основу этого романса, настолько совпадало с моими переживаниями, словно я написала его сама. В Концерте тема романса впервые звучит в каденции у фортепиано, как лирическое высказывание. Можно назвать ее темой любви. Позднее она проходит *pizzicato* в струнной группе, разделенная на фрагменты. Цитата из романса распадается на отдельные фрагменты, олицетворяя разрушение любви. Еще одна автоцитата из медленной части моей Сонаты для фортепиано звучит в эпизоде Концерта.

Драматургический замысел воплощен в одночастной форме Концерта, с медленным эпизодом и кодой. Тема главной партии драматична, в ходе музыкального развития она претерпевает значительные изменения. Образ смятения, протеста, горя, который она создает, достигнув кульминации, исчезает, и слушатель погружается в состояние покоя, грустного сожаления и ощущения безвозвратной утраты. У челесты и арфы звучат, мерцая, последние отголоски главной темы: нас нет, а мир продолжает существовать, прекрасный, холодный и равнодушный. Концерт – программное произведение, и использование музыкального материала из своих более ранних сочинений послужило содержательной основой программы.

Что касается цитат из музыки композиторов прошлого, у меня есть только один пример подобного рода. В 2013 году я написала сочинение для сопрано, флейты и фортепиано на текст поэмы И. Бродского «Бабочка», где в одной из частей поэмы можно услышать тему из «Бабочек» Шумана. Она вплетена в фортепианную и вокальную партии, и звучит всего один раз. В этом сочинении

я не могла не процитировать эту удивительную драгоценную находку великого композитора, и не отдать дань любимому мною шедевру.

– Согласны ли Вы с современными учеными-эстетиками, искусствоведами, утверждающими, что в современном искусстве безвозвратно утрачена красота?

– Стремление к красоте, любовь – главное, на мой взгляд, что необходимо выразить в творчестве. Мне важно показать красоту душевную, красоту отношений, общения, которую мы теряем, как мне кажется. Хотелось бы, чтобы человек, слушая музыку, приподнимался над обыденностью, забывал о своих повседневных проблемах. Музыка не должна оставлять слушателя равнодушным, не должна жалеть его. Это – открытый диалог. Общество и жизнь диктуют человеку свои непростые условия, в которых он должен быть сильнее, вынужден что-то преодолевать, и быть проще. В музыке совершенно не хочется быть проще: музыка – элитарна. Я не боюсь, что круг слушателей может оказаться ограничен. Музыка не может быть понятна всем, она – для любителей, для ценителей.

– Как не быть проще в музыке?

– Я пишу традиционную музыку, но, в то же время, избегаю тривиальности, банальности, стараюсь найти острые, верные интонации, насыщенные, яркие гармонии, новые тембровые сочетания.

– В чем, по-вашему, тривиальность?

– В предсказуемости, возможности предугадать развитие мелодии, заранее предположить следующую гармонию. Может быть, это хорошо для легкой музыки, но для академической, по-моему, совершенно неприемлемо. На мой взгляд, интересно, когда композитор ведет слушателя за собой, открывает какие-то дали, новые повороты, неожиданные звуковые эффекты, что и создает в конечном итоге сильное эмоциональное впечатление. Одно из моих собственных ярких впечатлений последнего времени от прослушивания современной музыки – Четвертая симфония «Нотр-Дам» Юрия Каспарова.

– Современные композиторы все больше тяготеют к экспериментам в творчестве. Как Вы

считаете, заменит ли эксперимент музыку?

– Мне кажется, что нет, особенно если в основе эксперимента лежит потребность поразить публику, внешние эффекты. Только концепция и шоу взамен музыки оставляют после себя одну пустоту.

– Возможна ли музыка без мелодии?

– Я считаю, что в каждом новом произведении необходимо открыть для себя что-то новое, важно избегать самоповторов. Я настроена на поиски новых звуковых эффектов, сонорных звучностей, но для меня обязательно основой произведения должна быть точно найденная мелодическая интонация, интонационное ядро. На мой взгляд, если нет ясной музыкальной идеи в произведении, то нет и смысла.

– Каковы Ваши прогнозы, останется ли в будущем душой музыки мелодия?

– Безусловно. Но к понятию мелодичности следует относиться с осторожностью. Я пишу интонационную музыку, но в основе тематизма – мелодии инструментального характера, не всегда простые для восприятия. А в детской музыке, которой я уделяю большое внимание, стремлюсь к ясности, образной определенности и мелодичности в традиционном понимании. В 2013 году я стала лауреатом Международного конгресса-фестиваля «Chorus Inside» за создание хорового цикла «Пасхальный благовест» на стихи русских поэтов для старшего детского хора. При вручении диплома члены жюри отметили, что композитор обладает мелодическим даром, и это, конечно, мне было очень приятно. В 2014 году моя пьеса «Сады и фонтаны» была выбрана в качестве обязательного произведения для Международного конкурса юных флейтистов «My favorite flute». От организаторов конкурса и участников было много приятных отзывов и слов благодарности за красоту музыки, мелодичность и красочность.

– Вы задумывались о параллелях между художественной образностью Ваших произведений и средствах музыкального языка для их воплощения?

– За многовековую историю человечеством накоплен огромный музыкальный багаж, и за каждым музыкальным интервалом

закреплен определенный образный смысл. Поэтому когда пишешь, например, лирическую музыку, нельзя обойтись без интонаций сексты и терции, хотя их и можно поставить в новый контекст. На интонации терции основано мое сочинение «Невыносимая легкость бытия» по прочтении одноименного романа Милана Кундеры. Из секст состоит главная тема пьесы для струнного оркестра «Тайный сад». В выборе инструментального состава для каждого нового сочинения я обычно стараюсь не повторяться, но любимыми инструментами для меня остаются струнные, арфа, фортепиано и флейта. Это голоса и краски, идеально подходящие для лирической музыки.

– Существует ли у Вас стиливой ориентир в поисках пейзажных звучностей?

– В поисках индивидуального, своего, все же не обойтись без влияния великих мастеров. Для меня это Вагнер, Брамс, Дебюсси, Хиндемит, Лигети, Пендеревский. В области звукописи для меня, конечно, непревзойденной вершиной остается Дебюсси. Очень люблю его оперу «Пеллеас и Мелизанда». Восхищаюсь тонким владением речитативом, потрясающей инструментальной градацией в передаче чувств и настроений. Для себя очень важным считаю искать новые средства выразительности, несмотря на то, что найденное однажды становится очень дорогим навсегда. Из композиторов, живущих и работающих в Москве, я хотела бы назвать имя Сергея Жукова. Его творчество мне очень близко. Его музыка поражает необычными тембровыми решениями и очень интересными опытами в области театрализации камерной музыки.

– Вашей музыке свойственна прозрачность фактуры, воздушность гармонических переходов, трепетность мелодического разветвления. В Ваших симфонических произведениях даже в тугийные моменты четко прослушивается каждый голос. Эти качества присутствуют и в названии Ваших произведений, отражающих «музыку слова». Каковы особенности музыкального выражения «слова» в таких сочинениях, как пьеса для ударных «Дыхание серебряного тумана» или сочинение

«Невыносимая легкость бытия» по прочтении М. Кундеры для флейты, арфы и камерного оркестра? Скажите, это проявление свойств Вашего характера?

– Существует мнение, что композитор не должен выражать в творчестве себя и свои переживания, его задача – ловить вокруг актуальные идеи, интересующие многих. Отвечая этому требованию, он становится интересен большому количеству людей. Выражая себя, композитор как будто бы обречен на непонимание, или понимание избранного, узкого круга. Я пришла к убеждению, что искренность в творчестве и проявление своих самых сокровенных мыслей и чувств – самое естественное и важное, и, следуя голосу своей души, всегда можно найти отклик и понимание слушателей. В своей музыке я не поступаю своими принципами, своими интересами, не «кривлю» душой. Я думаю, что стилистически моя музыка могла бы быть отнесена к пост-романтической, или, возможно, к неоиmprессионизму или неоэкспрессионизму. Действительно, я тяготею к образам, воплощающим пейзажность, лиричность, камерность.

– Расскажите, чем объясняется выбор для Вашего сочинения «Невыносимая легкость бытия» прозы Милана Кундеры?

– Чешский писатель Милан Кундера с психологической тонкостью подмечает особенности взаимоотношений людей, созвучные и моим личным переживаниям. Мое знакомство с его творчеством началось с романа «Вальс на прощанье». В дальнейшем, я решила прочитать роман писателя «Невыносимая легкость бытия». В процессе чтения, начиная, наверно, с третьей страницы, внутри меня возникла музыка, тембровый образ «невыносимой легкости» – трепетное, хрупкое, холодноватое звучание флейты, арфы и высоких струнных – так оказались мне близки и понятны идеи романа о вечном возвращении, повторении, противоположности «тяжести и легкости» и, в конечном итоге, стремлении людей к счастью и невозможности обрести и надолго удержать его. «Если бы каждое мгновение нашей жизни бесконечно повторялось, – пишет Кундера, – мы были бы прикованы к вечности...», а «тяжесть

и легкость» – самые загадочные и многозначительные противоположности.

Читая, я много размышляла, сравнивала с собственными ощущениями, когда наваливается горе, словно невыносимая тяжесть, и приходит чувство безысходности и непреодолимой трагедии, когда словно нечем дышать. Такой образ мне хотелось передать в кульминации. Я не стремилась иллюстрировать содержание книги музыкальными средствами, но образ надвигающегося и подавляющего горя, возникающий в кульминации, у некоторых слушателей, знакомых с книгой, ассоциировался с образом входящих в Прагу танков. Я считаю, что привязываться к конкретным событиям, описанным в книге, не следует. Само название уже определенным образом направляет восприятие музыки в нужное русло. Но если говорить о содержании романа, то мне во многом очень близок плачущий, мечущийся, ищущий образ главной героини – Терезы, много пережившей, страдавшей, любившей. В музыке он поручен альтам: в их партии я написала указание для исполнения – *piangendo* – плаксиво.

– Роман Кундеры отличает калейдоскопичность драматургического построения. Это качество литературного источника повлияло на Ваше сочинение?

– Мне показалось очень необычным и интересным, что история романа рассказывается не подряд, а разматывается, как клубок. И музыке я писала по принципу чередования эпизодов. В коде сочинения возвращается начальный образ вступления, но легкость, предчувствие счастья, переданное «повисшей» в верхнем регистре терцией, светящейся и невесомой, сменяет ее обреченное звучание в низком регистре в тональности *ля-минор*.

– На фестивале «Московская осень» в 2013 году прозвучало Ваше новое произведение «Тайный сад» для струнного оркестра. Как объяснить горестные интонации, разрывающие душу, в сочинении с таким названием?

– Программная музыка – путь к слушателю. Название помогает осознать идею произведения. Я удивилась, когда поняла, что образ сада или садов присутствует в названиях трех моих сочинений! Помимо «Тайного сада»,

есть пьеса «Сады и фонтаны» для флейты и фортепиано, из цикла «Итальянская тетрадь», и вокальное сочинение «Сады моей души» на стихи Н. Гумилева для сопрано, альты и фортепиано. «Тайный сад» – известный термин в психологии и удивительный образ для музыки. У каждого есть свой «тайный сад». «Сады души» – мир моего творчества. Мы возвращаем, холим и лелеем свои обиды, мечты. Как бы мы не были внешне открыты, как бы ни делились самым задушевным, внутри всегда что-то остается непознанным и скрытым. Звуковой образ шелестящего сада, подверженного грозам и дождям, способен преображаться. В процессе разговора инструментов, словно высказывающих свои задушевные мысли, бережно и чутко прислушиваясь друг к другу, сад постепенно расцветает. В своей авторской аннотации к сочинению я писала: «Как любой сад, терзаемый дождями и ненастьями, может выстоять и расцвести во всей своей красоте, так и человеческая душа под натиском несчастий может остаться несломленной и не утратить способности любить и воспринимать прекрасное вокруг». Этот образ оказался близок и понятен слушателю. Сочинение прозвучало в исполнении Московского камерного оркестра «Времена года» под руководством Владислава Булахова и было очень тепло принято публикой.

– Вами написано большое количество произведений для детей. Отличаются ли задачи, которые Вы ставите перед собой при написании взрослой и детской музыки?

– Вся музыка должна быть создана со вкусом, не важно, для детей она или для взрослых. Но есть и специальные задачи, которые я ставлю перед собой, работая над детскими сочинениями. Хочется, чтобы детская музыка получалась не банальной, но яркой, образной, интересной, простой, запоминающейся и понятной детям. Если во взрослой музыке я могу выразить пессимистические настроения, передать свое трагическое мироощущение, то в детской музыке пытаюсь поделиться той теплотой, любовью и светом, которые есть в моей душе и, конечно же, присутствуют в жизни. Я не стремлюсь быть коммерческим композитором,

пишу то, что получается, что приходит. Кроме детских пьес для различных инструментов, вокальной и хоровой музыки, предназначенной для исполнения детьми в музыкальных школах, я пишу и песни. В них я стараюсь касаться вечных тем: добра, любви – к маме, к природе. Сейчас занятия вокалом в детском возрасте стали очень популярны, и остро ощущается нехватка репертуара. А ведь для многих эти занятия – первые шаги в мир большой музыки. Поэтому так важно воспитать вкус, пробудить фантазию ребенка, дать ему подходящий материал для музыкального развития. Последнее время в этом направлении очень успешно работает Международный вокальный центр «Сольвейг» при Московском Доме композиторов под руководством Радомиры Красавиной, и мне очень приятно, что я преподаю в этом коллективе, и что мои сочинения входят в репертуар ансамбля и его солистов. В апреле 2014 года МВЦ «Сольвейг» и Союз московских композиторов организовали новый композиторский конкурс, направленный на создание детской вокальной музыки. Этот конкурс был назван именем Исаака Дунаевского, и благодаря конкурсу было открыто несколько замечательных композиторских имен, увидели свет новые детские песни. В качестве исполнительного директора этого конкурса я могу поделиться, что в этом году организаторы планируют расширить тематику конкурса, увеличить количество номинаций.

– Видите ли Вы пути преодоления пропасти между современной музыкой и слушающей аудиторией? Не является ли ключом начальное музыкальное образование?

– В современном мире повсеместно исполняется новая музыка. Приучать к ней нужно с самого детства. Свой вклад в этом направлении я вижу и как композитор, и как педагог. В основном, дети, которые серьезно занимаются музыкой, растут на репертуаре XIX века. Музыка современных композиторов, не считая прочно вошедшей в репертуар музыкальных школ музыки Прокофьева и Шостаковича, появляется лишь эпизодически, хотя потребность в новой музыке велика, особенно для таких инструментов, как флейта, арфа. Специальной

литературы для этих инструментов сочинено мало. В основном, исполняются переложения, не всегда удачные. По просьбе педагогов я пишу музыку для детей, стараясь расширить привычные для них рамки. Это может быть музыка с напевной, но не простой мелодией, в рамках диатоники, но с мягко звучащими диссонансами, неожиданными созвучиями, новыми для восприятия детей. По репетиционному опыту знаю, что интересные названия, неожиданные, новые приемы игры, непривычные гармонии, удивляют детей и очень нравятся. Думаю, что это один из путей к восприятию современной музыки для начинающих музыкантов, будущих исполнителей.

Конечно, было бы прекрасно, если бы все дети получали в школах хорошее начальное образование, проводились бы интересные музыкальные занятия, на которых они бы знакомились с лучшими произведениями прошлого и настоящего. Это – мечта, к которой можно стремиться и вносить свой вклад в воспитание будущих слушателей. Но, я думаю, что интерес к серьезной музыке никогда не пропадет. Все жизненные ценности закладываются в детстве, главным образом, в семье. Всегда будут такие семьи, где интерес к музыке, к искусству не угаснет. Как я уже говорила, академическая музыка не может быть интересна любому. Ее восприятие требует определенной интеллектуальной и душевной работы. Поэтому разрыв между широкой аудиторией, слушающей легкую музыку и популярную классику, и узким кругом людей, любящих более редкие произведения и современную академическую музыку, будет всегда.

– Какими принципами Вы руководствуетесь при воспитании начинающих композиторов?

– Мои воспитанники – юные композиторы Детской музыкальной школы имени М.М. Ипполитова-Иванова. На уроках они показывают свои сочинения, импровизируют и знакомятся с произведениями прошлого и современности. Нельзя научить сочинять музыку, только давая прямые советы и делая упражнения. Важно научить слушать и слышать, через анализ раскрыть перед детьми тайны композиторского ремесла. В этом году в

нашей школе произошло особенно радостное событие – был издан сборник лучших сочинений учеников класса композиции за последние годы. Сборник мы назвали «Прикосновение к творчеству», и он посвящен очень важному для нас юбилею – 155-летию со дня рождения М.М. Ипполитова-Иванова, композитора, дирижера и педагога, чье имя носит наша школа.

– Ваши сочинения исполняют на концертных эстрадах?

– В последние годы исполняют довольно часто. Но, к сожалению, времени на творчество не достаточно. Композитору невозможно прожить на гонорары, приходится много преподавать, поэтому мало времени остается на погружение в творчество. Но и жизни без творчества я не представляю: начинаю задыхаться. Чувствую себя счастливым человеком, когда пишу, когда появляются новые сочинения, музыка находит отклик, звучит на фестивалях, концертах. Нередко исполнители предлагают что-то исполнить или просят что-то написать. Очень востребована детская хоровая музыка, а также музыка для таких инструментов, как духовые, арфа.

– Приоткройте завесу сокровенной тайны, расскажите о Ваших творческих планах.

– Прежде всего, задумано новое крупное театральное сочинение для детей. Уже есть либретто, есть музыкальный материал, и вдохновение, чтобы начать работу. У меня уже есть опыт создания музыки для детского театра – мюзикл «Лев, Колдунья и Платяной шкаф» по сказке Клайва Льюиса, и сейчас мне очень интересно сделать новую театральную работу, попробовать себя в жанре детской волшебной оперы. Тема «Сада души» тоже не оставляет меня. Я думаю, что еще не совсем ее раскрыла в пьесе для струнного оркестра «Тайный сад». Я хотела бы написать крупное сочинение для симфонического оркестра с таким названием. Возможно, это будет симфония или концерт для оркестра. Надеюсь, мои планы осуществятся!

– Желаю Вам огромных творческих успехов!

*Беседовала
Елена Пирязева*